“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=388

2026-yil
9-son
sentabr
ISSN 3093-8546

Правовые проблемы конфискации криптоактивов, полученных от преступной деятельности

Бахтиёр Примов,
Академия правосудия Республики Узбекистан
соискатель, доктор философии (PhD) по юридическим наукам
e-mail: baxti13051993@gmail.com

Аннотация. Ushbu maqola jinoiy faoliyat natijasida olingan kripto-aktivlarni musodara qilishda yuzaga keladigan huquqiy muammolarni tahlil qilishga bag‘ishlangan. Kripto-aktivlarning musodara predmeti sifatidagi huquqiy tabiati, ularni aniqlash, hibsga olish va davlat daromadiga o‘tkazishning texnik hamda protsessual qiyinchiliklari, shuningdek Moliyaviy chora-tadbirlar guruhi (FATF), Birlashgan Millatlar Tashkiloti konvensiyalari standartlari va xorijiy davlatlar amaliyoti ko‘rib chiqiladi. O‘zbekiston Respublikasining jinoiy daromadlarni legallashtirishga qarshi kurashish va kripto-aktivlar aylanishini tartibga solish borasidagi milliy qonunchiligi tahlil qilinadi, huquqiy tartibga solishdagi bo‘shliqlar aniqlanadi hamda ularni bartaraf etish choralari, jumladan kripto-aktivlarni musodara predmeti sifatida bevosita belgilash va blokcheyn-tahlili bo‘yicha ixtisoslashgan bo‘linma tashkil etish taklif etiladi.

Калит сўзлар. kripto-aktivlar, musodara qilish, jinoiy daromadlarni legallashtirish, pul yuvish, FATF, raqamli moliyaviy aktivlar, virtual aktivlar, jinoyat sudlovi, blokcheyn-tahlili.

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при конфискации криптоактивов, полученных в результате преступной деятельности. Рассматриваются особенности правовой природы криптоактивов как объекта конфискации, технические и процессуальные трудности их выявления, ареста и обращения в доход государства, а также международные стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), конвенций Организации Объединенных Наций и практика зарубежных государств. Анализируется национальное законодательство Республики Узбекистан о противодействии легализации преступных доходов и регулировании оборота крипто-активов, выявляются пробелы в правовом регулировании и предлагаются меры по их устранению, включая прямое закрепление криптоактивов в качестве объекта конфискации и создание специализированного подразделения по блокчейн-аналитике.

Ключевые слова. криптоактивы, конфискация, легализация преступных доходов, отмывание денег, ФАТФ, цифровые финансовые

активы, виртуальные активы, уголовное судопроизводство, изъятие имущества, блокчейн-аналитика.

Annotation. This article examines the legal problems arising in the confiscation of crypto-assets derived from criminal activity. It analyses the legal nature of crypto-assets as an object of confiscation, the technical and procedural difficulties involved in their identification, seizure, and forfeiture to the state, and the applicable international standards of the Financial Action Task Force (FATF), United Nations conventions, and the practice of foreign states. The article assesses the national legislation of the Republic of Uzbekistan on combating the legalisation of criminal proceeds and regulating the circulation of crypto-assets, identifies gaps in legal regulation, and proposes measures to address them, including the express designation of crypto-assets as an object of confiscation and the establishment of a specialised blockchain-analytics unit.

Keywords. crypto-assets, confiscation, legalisation of criminal proceeds, money laundering, FATF, digital financial assets, virtual assets, criminal procedure, seizure of property, blockchain analytics.

Введение. Стремительное развитие рынка криптоактивов и его широкое использование в трансграничных расчетах привели к тому, что виртуальные активы все чаще становятся объектом или инструментом преступной деятельности: киберпреступлений, мошенничества, незаконного оборота наркотических средств, коррупции и легализации преступных доходов. По оценкам аналитических компаний, ежегодный объем криптоактивов, связанных с незаконной деятельностью, исчисляется миллиардами долларов США, что делает эффективное изъятие и обращение таких активов в доход государства одной из приоритетных задач современной уголовной политики.

Вместе с тем правовые системы большинства государств, включая Республику Узбекистан, формировались в эпоху, когда законодатель не мог предвидеть появления децентрализованных цифровых активов, не имеющих единого эмитента, физической формы и централизованного реестра владельцев. Институт конфискации имущества, традиционно ориентированный на материальные объекты, банковские счета и корпоративные права, оказался не полностью приспособленным к специфике криптоактивов: их анонимности (точнее, псевдонимности), трансграничному характеру обращения, зависимости от криптографических ключей и волатильности стоимости.

Целью настоящей статьи является системный анализ правовых проблем, возникающих при конфискации криптоактивов, полученных от преступной деятельности, с учетом международных стандартов, законодательства Республики Узбекистан и практики зарубежных государств, а также выработка предложений по совершенствованию национального правового регулирования в данной сфере.

Для достижения указанной цели в статье последовательно рассматриваются вопросы правовой квалификации криптоактивов как

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

объекта конфискации, содержание применимых международно-правовых стандартов, состояние национального законодательства Республики Узбекистан, а также технические, оценочные и трансграничные проблемы, возникающие на стадиях выявления, ареста, хранения и реализации криптоактивов криминального происхождения. Отдельное внимание уделено сравнительному анализу подходов зарубежных государств, позволяющему выявить решения, применимые в условиях правовой системы Узбекистана.

Правовая природа криптоактивов как объекта конфискации. Первой методологической проблемой является квалификация криптоактивов в качестве объекта, подлежащего конфискации. Национальное законодательство большинства государств, в том числе Уголовный кодекс Республики Узбекистан, оперирует понятием «имущество», традиционно включающим вещи, деньги, ценные бумаги и имущественные права [1]. Криптоактивы не являются вещью в физическом смысле, не эмитируются центральным банком и не удостоверяют права требования к какому-либо конкретному лицу в большинстве случаев (за исключением отдельных категорий токенов). Данная особенность порождает доктринальную дискуссию о том, могут ли криптоактивы быть отнесены к «иному имуществу» для целей уголовно-процессуального изъятия и последующей конфискации.

Практика большинства государств, воспринявших рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), пошла по пути широкого толкования понятия имущества, включающего любые активы, представляющие ценность, независимо от формы их существования, включая цифровую [8]. Данный подход требует прямого закрепления в национальном законодательстве, поскольку узкое толкование понятия «имущество» в уголовном и гражданском праве может создать правовую неопределенность и стать основанием для отказа в конфискации криптоактивов по формальным основаниям.

Международно-правовые стандарты в сфере конфискации виртуальных активов. Универсальную основу международно-правового регулирования конфискации преступных доходов образуют Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года, ратифицированная Узбекистаном и вступившая в силу для республики 8 января 2004 года [7], и Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года, к которой Узбекистан присоединился в 2008 году [6]. Обе конвенции обязывают государства-участники принять законодательные меры, позволяющие идентифицировать, отслеживать, арестовывать и конфисковывать доходы от преступлений, а также предусмотреть возможность конфискации имущества, в которое такие доходы были превращены или преобразованы, что имеет прямое значение для случаев конвертации преступных доходов в криптоактивы.

Наиболее детализированные стандарты в отношении виртуальных активов выработаны ФАТФ. Рекомендация 4 ФАТФ устанавливает общее требование о наличии у государств правовых механизмов конфискации имущества, отмывания или доходов от преступлений, без ограничения по форме такого имущества [8]. В 2019 году ФАТФ распространила

требования Рекомендации 15 на виртуальные активы и поставщиков услуг виртуальных активов, обязав государства обеспечить применимость всего комплекса мер противодействия отмыванию денег, включая замораживание, арест и конфискацию, к операциям с виртуальными активами [9]. Обновленное Руководство ФАТФ по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам 2021 года содержит рекомендации о порядке идентификации бенефициарных владельцев криптокошельков, применении принципа «правила о передаче информации» (travel rule) и организации взаимодействия с поставщиками услуг виртуальных активов при исполнении запросов о замораживании активов [9].

Отдельное значение имеет Второй дополнительный протокол к Будапештской конвенции о киберпреступности 2022 года, направленный на упрощение трансграничного доступа правоохранительных органов к электронным доказательствам, включая данные о криптовалютных транзакциях и учетных записях пользователей криптобирж, находящихся в иностранной юрисдикции [11].

Национальное законодательство Республики Узбекистан о криптоактивах и легализации преступных доходов. Правовое регулирование оборота криптоактивов в Республике Узбекистан было заложено Постановлением Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан», предусмотревшим создание системы лицензирования криптобирж и иных поставщиков услуг в данной сфере [3]. В развитие данного постановления Национальным агентством перспективных проектов утверждено Положение о порядке лицензирования деятельности провайдеров услуг в сфере оборота крипто-активов, зарегистрированное Министерством юстиции 15 августа 2022 года за № 3380 [4]. Указанные акты устанавливают требования к идентификации клиентов, внутреннему контролю и взаимодействию лицензированных провайдеров с уполномоченными государственными органами.

Закон Республики Узбекистан от 26 августа 2004 года № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» формирует общую основу национальной системы противодействия отмыванию преступных доходов [2]. Закон возлагает на субъектов первичного финансового мониторинга, к числу которых по смыслу подзаконных актов относятся и лицензированные поставщики услуг в сфере оборота крипто-активов, обязанности по идентификации клиентов, выявлению подозрительных операций и информированию уполномоченного органа. Вместе с тем ни данный закон, ни Уголовный кодекс Республики Узбекистан не содержат прямого упоминания криптоактивов в качестве самостоятельного объекта ареста и конфискации, что оставляет решение данного вопроса на усмотрение правоприменительной практики и создает риск противоречивых судебных решений.

Существенным ограничением национального регулирования является то, что действующая лицензионная система распространяется

исключительно на резидентных поставщиков услуг, прошедших лицензирование в установленном порядке. Значительная часть операций с криптоактивами, включая операции через иностранные биржи, децентрализованные платформы (DeFi) и некастодиальные кошельки, находится за пределами досягаемости национального регулятора, что существенно осложняет применение мер ареста и последующей конфискации в отношении таких активов.

Технические и процессуальные проблемы выявления, ареста и хранения криптоактивов. Практическое применение института конфискации к криптоактивам сопряжено с рядом технических трудностей, отсутствующих при работе с традиционными видами имущества. Во-первых, идентификация владельца криптоактивов затруднена псевдонимным характером большинства публичных блокчейнов: адрес криптокошелька не содержит сведений о личности его держателя, а установление такой связи требует применения специализированных методов блокчейн-аналитики либо получения данных от лицензированных посредников, через которых производилась конвертация криптоактивов в фиатную валюту.

Во-вторых, фактический арест криптоактивов возможен только при наличии доступа к закрытому криптографическому ключу, предоставляющему возможность распоряжения активами. В случае хранения активов на счете лицензированной криптобиржи арест может быть осуществлен посредством направления обязательного для исполнения предписания оператору платформы, аналогично аресту денежных средств на банковском счете. Однако в случае самостоятельного хранения активов подозреваемым (так называемое некастодиальное хранение, включая аппаратные и бумажные кошельки) арест возможен лишь при добровольной выдаче ключа либо при его обнаружении в ходе следственных действий, что существенно снижает эффективность применения данной меры.

В-третьих, использование инструментов сокрытия происхождения криптоактивов, включая миксеры (тумблеры), децентрализованные биржи без верификации личности и монеты повышенной конфиденциальности (privacy coins), значительно затрудняет установление криминального происхождения активов и построение доказательственной базы, необходимой для конфискации.

В-четвертых, отсутствие в законодательстве Республики Узбекистан специального порядка хранения арестованных криптоактивов создает существенные практические риски. В отличие от денежных средств, которые могут быть депонированы на специальном счете, криптоактивы требуют технической инфраструктуры (государственный криптографический кошелек, взаимодействие со специализированным депозитарием) для их безопасного хранения до вступления приговора в законную силу, при отсутствии которой возникает риск утраты активов вследствие технических сбоев либо неправомерных действий должностных лиц.

Проблема оценки стоимости конфискуемых криптоактивов. Существенной проблемой правоприменительной практики является высокая волатильность стоимости криптоактивов, затрудняющая

определение размера ущерба, подлежащего возмещению, и стоимости имущества, подлежащего конфискации. Стоимость криптоактива может существенно измениться в период между совершением преступления, наложением ареста, вынесением приговора и фактической реализацией конфискованных активов, что порождает вопрос о моменте, на который должна производиться оценка, а также о судьбе прироста либо снижения стоимости активов за период их ареста.

Зарубежная практика выработала различные подходы к данной проблеме: реализация арестованных криптоактивов в кратчайшие сроки после наложения ареста с зачислением вырученных денежных средств на депозитный счет уполномоченного органа (подход, применяемый рядом правоохранительных органов США), либо сохранение активов в криптографической форме до вступления судебного акта в законную силу с последующей их реализацией или обращением в доход государства в натуре. Национальное законодательство Республики Узбекистан не содержит норм, регулирующих порядок оценки и реализации арестованных криптоактивов, что требует восполнения соответствующего пробела.

Международное сотрудничество и трансграничный характер криптопреступлений. Трансграничный характер обращения криптоактивов делает международное сотрудничество ключевым условием эффективной конфискации. Значительная часть криптобирж, через которые производится конвертация и вывод преступных доходов, зарегистрирована в иностранных юрисдикциях, что требует направления запросов о правовой помощи для получения данных о владельцах счетов и наложения ареста на активы. Традиционные механизмы взаимной правовой помощи, ориентированные на длительные сроки исполнения запросов, зачастую не соответствуют скорости перемещения криптоактивов, которое может занимать минуты.

Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности разработало методические материалы по организации международного сотрудничества в области возврата активов, включающих виртуальные активы, рекомендующие государствам создавать специализированные подразделения по возврату активов, обладающие компетенциями в области блокчейн-аналитики, и заключать двусторонние соглашения об упрощенном порядке обмена информацией по срочным запросам, касающимся виртуальных активов [10]. Республика Узбекистан, являясь участником ряда международных договоров о правовой помощи по уголовным делам, не располагает специализированным механизмом ускоренного взаимодействия по вопросам, связанным с виртуальными активами, что снижает эффективность трансграничного розыска и ареста таких активов.

Дополнительную сложность создает практика использования так называемых бирж без обязательной идентификации клиентов (no-KYC exchanges), зарегистрированных в юрисдикциях с минимальным регуляторным контролем, а также применение сервисов смешивания криптовалют, которые намеренно разрывают прослеживаемую цепочку транзакций в публичном реестре. В таких случаях традиционные каналы международной правовой помощи оказываются малоэффективными,

поскольку компетентный орган запрашиваемого государства зачастую не располагает сведениями о конечном бенефициаре операции. Аналитические компании, специализирующиеся на блокчейн-криминалистике, отмечают, что ежегодный объем криптоактивов, прошедших через подобные непрозрачные сервисы, продолжает расти, несмотря на ужесточение регуляторных требований в ведущих юрисдикциях. Это обстоятельство подчеркивает необходимость сочетания законодательных мер с наращиванием технического потенциала правоохранительных органов Республики Узбекистан.

Сравнительный анализ подходов зарубежных государств. Таблица 1 обобщает основные элементы правового регулирования конфискации криптоактивов в отдельных зарубежных юрисдикциях в сопоставлении с законодательством Республики Узбекистан.

Опыт Европейского союза представляет особый интерес в связи с принятием Регламента (ЕС) 2023/1114 о рынках криптоактивов (MiCA), устанавливающего единые требования к эмитентам и поставщикам услуг в отношении криптоактивов на территории Европейского союза, включая обязанности по идентификации клиентов и информационному взаимодействию с компетентными органами [12]. Хотя MiCA не содержит специальных норм о конфискации, установленный им единый режим лицензирования существенно облегчает направление и исполнение запросов о замораживании активов в отношении поставщиков услуг, действующих на территории Европейского союза.

Практика Соединенных Штатов Америки демонстрирует применение как уголовной, так и гражданской (внесудебной) конфискации криптоактивов, что позволяет обращать имущество в доход государства даже при невозможности установления и осуждения конкретного лица, если доказана криминальная природа происхождения активов [13]. Данный подход соответствует гибкости, допускаемой Рекомендацией 4 ФАТФ, и заслуживает изучения с точки зрения возможности его адаптации к правовой системе Республики Узбекистан.

Предложения по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан. На основании проведенного анализа представляется целесообразным сформулировать следующие предложения.

Во-первых, необходимо внести изменения в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, прямо предусматривающие криптоактивы в качестве объекта, подлежащего аресту и конфискации, с определением понятия «криптоактив» для целей уголовного судопроизводства и указанием на применимость к криптоактивам общих правил об аресте имущества и вещественных доказательствах.

Во-вторых, следует установить обязанность лицензированных провайдеров услуг в сфере оборота крипто-активов исполнять предписания уполномоченных органов о замораживании и блокировании операций с криптоактивами, находящимися на счетах клиентов, подозреваемых в совершении преступлений, по аналогии с порядком, установленным для банковских счетов, а также предусмотреть ответственность за неисполнение таких предписаний.

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

В-третьих, целесообразно создать в структуре уполномоченных органов специализированное подразделение, обладающее компетенциями в области блокчейн-аналитики, для выявления и отслеживания криптоактивов криминального происхождения, а также обеспечить техническую инфраструктуру (государственный криптографический депозитарий) для безопасного хранения арестованных криптоактивов до момента вступления судебного акта в законную силу.

В-четвертых, необходимо законодательно урегулировать порядок оценки стоимости арестованных криптоактивов и определить момент, на который производится такая оценка, а также рассмотреть возможность введения нормы о заблаговременной реализации арестованных криптоактивов с зачислением вырученных денежных средств на депозитный счет уполномоченного органа в целях снижения рисков волатильности.

В-пятых, следует активизировать участие Республики Узбекистан в международных инициативах по возврату активов, включая заключение двусторонних и многосторонних соглашений об упрощенном порядке обмена информацией по срочным запросам, касающимся виртуальных активов, а также рассмотреть целесообразность присоединения к специализированным международным механизмам сотрудничества правоохранительных органов в данной сфере.

В-шестых, заслуживает изучения вопрос о введении в национальное законодательство института гражданской (внесудебной) конфискации криптоактивов явно преступного происхождения в случаях, когда установление и привлечение к уголовной ответственности конкретного лица объективно невозможно, при условии обеспечения надлежащих процессуальных гарантий для лиц, чьи активы подлежат такой конфискации.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что действующее законодательство Республики Узбекистан о противодействии легализации преступных доходов и регулировании оборота крипто-активов не содержит достаточных правовых механизмов для эффективного ареста и конфискации криптоактивов, полученных от преступной деятельности. Основные проблемы связаны с отсутствием прямого указания на криптоактивы как объект конфискации в уголовном законодательстве, недостаточной технической готовностью правоохранительных органов к идентификации и аресту таких активов, отсутствием специального порядка их оценки и хранения, а также ограниченными возможностями трансграничного сотрудничества.

Международные стандарты, прежде всего рекомендации ФАТФ и конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и против коррупции, участником которых является Узбекистан, формируют достаточную нормативную основу для совершенствования национального законодательства. Реализация предложенных в настоящей статье мер, включая прямое закрепление криптоактивов в качестве объекта конфискации, установление обязанностей лицензированных провайдеров услуг по исполнению предписаний уполномоченных

органов, создание специализированного подразделения по блокчейн-аналитике и активизацию международного сотрудничества, позволит привести национальное законодательство Республики Узбекистан в соответствие с современными международными стандартами и повысить эффективность противодействия использованию криптоактивов в преступных целях.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII (с последующими изменениями и дополнениями). Ташкент, 1994. Available at: https://lex.uz/ru/acts/111457 (дата обращения: сентябрь 2026 г.). [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, approved by Law No. 2012-XII of September 22, 1994 (as amended). Tashkent, 1994.]

2. Закон Республики Узбекистан от 26 августа 2004 года № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения». Ташкент, 2004. Available at: https://lex.uz/ru/acts/284542 (дата обращения: сентябрь 2026 г.). [Law of the Republic of Uzbekistan No. 660-II of August 26, 2004 "On Combating the Legalization of Proceeds from Criminal Activity, Financing of Terrorism, and Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction." Tashkent, 2004.]

3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан». Ташкент, 2018. Available at: https://lex.uz/acts/3806048 (дата обращения: сентябрь 2026 г.). [Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-3832 of July 3, 2018 "On Measures for the Development of the Digital Economy and the Sphere of Circulation of Crypto-Assets in the Republic of Uzbekistan." Tashkent, 2018.]

4. Приказ директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан от 12 августа 2022 года «Об утверждении Положения о порядке лицензирования деятельности провайдеров услуг в сфере оборота крипто-активов» (зарегистрирован Министерством юстиции Республики Узбекистан 15 августа 2022 г., рег. № 3380). Ташкент, 2022. Available at: https://lex.uz/ru/acts/6158227 (дата обращения: сентябрь 2026 г.). [Order of the Director of the National Agency for Prospective Projects of the Republic of Uzbekistan of August 12, 2022 "On Approval of the Regulation on the Licensing Procedure for Crypto-Asset Service Providers" (registered with the Ministry of Justice on August 15, 2022, reg. No. 3380). Tashkent, 2022.]

5. Закон Республики Узбекистан от 7 июля 2008 года № ЗРУ-158 «О присоединении Республики Узбекистан к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции». Ташкент, 2008. Available at: https://lex.uz/ru/acts/1461327 (дата обращения: сентябрь 2026 г.). [Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-158 of July 7, 2008 "On the Accession of the Republic of Uzbekistan to the United Nations Convention against Corruption." Tashkent, 2008.]

6. Закон Республики Узбекистан «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» № 536-II (вступила в силу для Республики Узбекистан 8 января 2004 года). Ташкент, 2003. Available at: https://lex.uz/ru/acts/1304112 (дата обращения: сентябрь 2026 г.). [Law of the Republic of Uzbekistan No. 536-II "On the Ratification of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime" (entered into force for the Republic of Uzbekistan on January 8, 2004). Tashkent, 2003.]

7. Financial Action Task Force (FATF). International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: The FATF Recommendations. Paris: FATF/OECD, 2023 (updated edition).

8. Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF/OECD, 2021.

9. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Basic Manual on the Detection and Investigation of the Laundering of Crime Proceeds Using Virtual Assets. Vienna: UNODC, 2021.

10. Council of Europe. Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime on Enhanced Co-operation and Disclosure of Electronic Evidence, 2022. Strasbourg: Council of Europe, 2022. CETS No. 224.

11. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets (MiCA). Brussels: EU, 2023. OJ L 150.

12. United States Department of Justice. Cryptocurrency Enforcement Framework. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 2020. (electronic resource)

13. United Kingdom. Proceeds of Crime Act 2002, as amended by the Economic Crime and Corporate Transparency Act 2023. London: The Stationery Office, 2023.

14. Chainalysis Inc. The 2024 Crypto Crime Report. New York: Chainalysis, 2024. (electronic resource)